

Несмотря на то что ситуация с Миурой разрешилась, в особняк я вернулся в паршивом настроении. Там нас ждал Рю-сан.

— С возвращением. Все получилось?

От его понимающей улыбки у меня слегка потеплело на сердце.

— Да, — улыбнулся я в ответ.

Все правильно. Никто не обещал, что, освободившись от монстра подсознания, Миура превратится в «хорошего человека». Я сам это себе придумал. Миура всего лишь стал самим собой. Избалованный, не видящий дальше собственного носа, никчемный взрослый — именно такой и есть Миура. Кто я, чтобы это отрицать.

— Вы славно потрудились.

Рю-сан похлопал меня по спине, и мне сразу стало легко на душе. Акинэ-тян, в свою очередь, была на седьмом небе уже от одного факта присутствия рядом Рю-сана. Будто ничего плохого и не произошло.

— Идите купайтесь скорее, что мы, зря ждали возвращения героев, чтобы вместе полакомиться? — и Художник продемонстрировал нам ящик из павловнии, полный морских ежей.

— Ой! Какая вкуснятина!

— Ничего себе, гиганты! Да еще светятся!

— Взял самых свежих, только-только выловленных. Хватит на целый пир из икры, — улыбнулся Рю-сан.

— Только я к икре морского ежа не особо...

— Это потому что ты еще не ел вкусно приготовленную икру морского ежа. Поверь на слово и попробуй.

Я быстренько покупался и присоединился к столу.

Рю-сан был прав.

— Она сладкая?!

Во рту разлилась густая сладость, а следом за ней в нос ударил соленый запах моря.

— Рурико-сан! Мне еще унидона!

Акинэ-тян уже успела умять тарелку риса с целой горой вареной икры морского ежа. Взрослые в лице Поэта, Художника, Рю-сана и Ямада-сана под сырую и жареную икру с «лапшой» из сырого кальмара с энтузиазмом осушают одну за другой рюмки с саке.

Доев унидон, я перешел на унитородон — рис с икрой морского ежа и филе тунца. На закуску к нему шел приготовленный по особому рецепту Рурико-сан салат из токоротэна, куриного филе и огурцов. Насыщенный рыбный вкус унитородона против мягкого и освежающего салата — от такого контраста аж в дрожь бросает. Напоследок предлагалась маленькая чашечка риса с икрой морского ежа, залитые теплым даси.

— Ах, как хорошо быть японцем! — наверняка сказал бы сейчас Букинист. Как ему, должно быть, обидно, что сегодня его здесь нет.

Перед сном я позвонил Хасэ.

— Все благополучно закончилось, — уже совершенно умиротворенным голосом сообщил я.

— Ясно, — так же спокойно ответил Хасэ. — Подробности расскажешь, когда приеду.

— М-м... Ладно. Ну, до субботы.

Следующий день. Пятница.

Утром, зайдя в класс, я обнаружил в своей парте записку.

«На большой перемене приходи в класс ИЗО»

Первой моей мыслью было, что со мной хотят разобраться какие-то хулиганы, но не в классе же ИЗО. На большой перемене там действительно редко кто бывает, но как-то совсем он не подходит для драки.

В любом случае, все равно стоит сходить, подумал я и сразу со звонком, не достав обеда, отправился на место встречи.

Класс ИЗО соседствовал с классами естественных наук и музыки и находился в самой дальней части здания, докуда почти не долетал школьный гул.

В самом классе царил настоящий художественный беспорядок из гипсовых бюстов и холстов, сбоку стоял ряд шкафчиков членов кружка искусств. Но людей здесь не было.

«Еще не пришли? Позвали, а сами опаздывают — наглость зашкаливает».

Я засмотрелся на стоящую сбоку класса незавершенную картину, и вдруг кожей ощутил сзади чье-то присутствие.

Резко обернувшись, я увидел Миуру.

Вжах!

Я едва увернулся, когда он на меня прыгнул, зато в картине, что я рассматривал, появилась огромная дыра. В руке Миура сжимал нож для резьбы.

— С-сдурел совсем?!

Сложно было описать выражение его лица в тот момент. В нем была и злость, и борьба с подступающими слезами, и отчаянная решимость. Точь-в-точь с таким выражением он бросился на Тасиро тогда, на крыше больницы. За одним исключением... сейчас он не был одержим.

— Я понимаю... Понимаю, что так нельзя! Но иначе никак! Иначе мне не будет покоя!

Нож в его руке крупно дрожал. Глаза блестели от навернувшихся слез.

— Уж лучше я прямо сейчас все возьму и уничтожу! Правильно я говорю?! Ты ведь тоже так думаешь?!

— Что ты несешь! Хватит убегать от проблем! Если ты считаешь себя взрослым — возьми себя в руки и разберись с ними!

— Ничего я не убегаю! Зачем ты так говоришь? Глупость какая! — сквозь слезы улыбнулся Миура.

Приехали! Он явно не в своем уме.

Увернувшись от новой атаки, я схватил Миуру за руку с ножом, но он с неожиданной силой отшвырнул меня в сторону.

— Уо!..

Я врезался в шкафчики и упал на пол. Миура, не колеблясь ни секунды, занес надо мной нож.

— Ах ты, придурок!

Открываю «Пти».

— Брондиз!!!

БА-БА-БАБАХ!!!

— Что... Что это был за звук?!

— В чем дело? Землетрясение?

Даже сидящие в классе Тасиро с подругами, как я узнал позже, принялись озираться, а уж как, должно быть, удивились те, кто находился этажом ниже класса ИЗО. Прямо под ним расположена учительская, и там все стекла в окнах выбило, со шкафов все попадало, а несохраненные данные в компьютерах стерлись. Простите, пожалуйста.

— Гойелемс! — призвал я магически оживленного искусственного человека и с его помощью выбрался из-под завала из шкафчиков, мольбертов, опрокинутых бюстов и осколков стекла.

Класс ИЗО выглядел, как после взрыва. На краю сознания промелькнула мысль, что это совсем не дело, если каждый вызов Брондиза будет выливаться в подобные разрушения.

На белые обломки гипса под ногами упало несколько красных капель. Я провел рукой по лицу, размазывая кровь. Похоже, поранил голову. И левое плечо страшно болело.

— Вы в порядке, господин? — высунул голову из нагрудного кармана Фул.

— Плечо вывихнул, черт!

Гойелемс между тем вытащил из-под соседнего завала Миуру. Он был без сознания, но

продолжал крепко сжимать в руке нож.

Пару секунд я колебался, но на этот раз решил оставить все, как есть.

— Теперь ты уж точно болен. Вот и отправляйся лечиться... — в полголоса сказал я, глядя сверху вниз на Миуру, который сейчас был похож на заснувшего от усталости после долгих и громких рыданий ребенка. — Все совершают ошибки, все сталкиваются с разочарованиями. Но бросать все из-за этого? Делать вид, что ничего не было? Так ты только обрекаешь себя вновь и вновь наступать на одни и те же грабли. Это же тупо!

Тяжело признавать собственные ошибки. А исправлять их — еще тяжелее.

Но пусть медленно, но я хочу идти только вперед. Еще не хватало распускать сопли по любому поводу и ныть, что я ни в чем не виноват.

Я... стремлюсь в будущее.

Приехали машины полиции и «скорой помощи».

Я слышал, как полицейские в коридоре обсуждают, что нужно расследовать причину серии громких хлопков, как от взрывов, ведь «это уже в третий раз», но когда они зашли в класс ИЗО и увидели лежащего без сознания Миуру с ножом для резьбы в руке, им сразу стало не до посторонних разговоров. А тут еще я, стоя рядом с ним, коротко сообщил:

— Миура-сэнсэй на меня напал.

После этого нас обоих на «скорой» в сопровождении полицейской машины увезли в больницу.

Мне наложили пять швов на рассеченный правый висок и крепкую повязку на вывихнутое левое плечо, предупредив, чтобы я какое-то время как можно меньше шевелил рукой.

Когда врачи меня отпустили, настал черед дачи показаний, но она продлилась недолго.

— Я шел по коридору, когда на меня с ножом бросился Миура-сэнсэй. Я убежал от него в класс ИЗО, и вдруг раздался громкий звук, будто что-то взорвалось.

Полицейским этого оказалось достаточно.

Выходя из больницы, я краем глаза заметил Миуру. Хныча, он жалобно рассказывал

полицейскому о том, что случилось в Сираминэ. Бедный страж правопорядка, кажется, вообще не понимал, о чем речь.

Наш классный руководитель Хаясака-сэнсэй был так добр, что привез мой портфель и вещи и подбросил до особняка.

Солнце готовилось зайти за горизонт, между проплешинами в облаках прорывались алые предзакатные лучи.

Я бездумно смотрел на небо.

На этот раз действительно все.

Удалось ли мне спасти Миуру?

В какой-то момент я заметил, что на меня из нагрудного кармана смотрит Фул.

— Чего?

— Нет, ничего, — поспешно развел он руками.

— Слушай, Фул. С Брондизом нельзя что-то сделать? Ну... Чтобы он действовал более аккуратно, что ли?

В ответ Фул уже на полном серьезе сконфузился:

— Понимаете, господин... Нет, разумеется, если вы достигнете необходимого уровня контроля, в противном же случае, при всем уважении, боюсь, это не в наших силах.

— Юси-кун, что с тобой случилось?! Ты ранен?! — закричал, увидев меня в прихожей, Поэт.

В гостиной особняка я рассказал всем о случившемся. Акинэ-тян с сожалением протянула:

— Ясно...

Неудивительно, что она расстроилась. Она тоже надеялась, что смогла помочь Миуре вернуться к обычной, мирной жизни.

Зато взрослые отреагировали сухим нестройным «Хм-м...».

— Не знаю... получилось ли у меня спасти Миуру, — пробормотал я.

— Не всех можно спасти, — холодно отрезал Художник.

— Ответ не всегда получаешь сразу, — сказал Рю-сан, и я вскинул голову.

Он улыбался, и я тоже невольно улыбнулся.

— Погоди, Юси-кун, получается, ты не обедал? — спросил Поэт, и я только тогда вспомнил о пустом желудке.

— А ведь точно. Надо было сначала поесть, а потом идти в тот класс!

Я открыл крышку бокса для бэнто, но приготовленного Рурико-сан особого ланча с икрой морского ежа там не оказалось.

— Что за?..

На дне тщательно вымытого бокса лежали несколько леденцов и записка на розовой бумаге.

«Съели бэнто вместо тебя. Было очень вкусно. Утти»

«Объедение! Сакура»

«Леденцы, чтобы ты скорее поправлялся. Тасиро»

— Вот же наглые девчонки!!! — взревел я, пока остальные дружно хохотали.

Да уж, как говорится, беда не приходит одна. Прямо в точку!

И беды мои продолжились еще и на следующий день.

Хасэ, резко побледневший при виде моих бинтов, молча выслушал объяснения Поэта и буквально взорвался.

— Ты! Кто мне говорил, что ничего опасного делать не будет?! А сам-то, сам, а?! — и со всей дури врезал мне ладонью по лицу (не пожалел раненого!).

После чего заставил меня опуститься на колени перед Акинэ-тян и с силой вжал мой лоб в пол.

— Акинэ-сан! Прямо с завтрашнего дня увеличьте ему нагрузку в практиках! В два раза! Нет, лучше в три или даже в четыре!!!

При виде моего опухшего лица Художник и Поэт согнулись пополам от хохота.

— А-ха-ха-ха-ха! Ты прям как Буся стал!

— Вот это я понимаю: бьет — значит любит!

Но Хасэ дело говорил, в нынешнем состоянии я не могу пользоваться Брондизом: какой смысл в магии, если сам же от нее страдаешь?

Так что стоит подналечь на тренировки, чтобы в дальнейшем этого избегать. Ох, не было печали...

Через несколько дней, когда я уже окончательно поправился.

Возвращаясь с подработки, я нарвался на разборку с группой хулиганов.

Все практически так же, как в прошлый раз. Мы стоим в узком безлюдном переулке и сверлим друг друга взглядами.

— Как поступим, господин? Желаете воспользоваться кем-то еще, не Брондизом? Как насчет Гиппогрифа? — спросил из нагрудного кармана Фул.

После секундного размышления я решительно ответил:

— Валим, Фул.

Фул радостно сверкнул глазами:

— Валим, господин!

Я всегда отвечал на брошенные вызовы, но в этот раз без малейшего сожаления удрал. Наоборот, даже смешно стало.

Ремонт практически уничтоженного класса ИЗО и замену стекол в окнах оценили в несколько миллионов иен.

Мне очень жаль.

Обещаю, когда устроюсь на работу, начну постепенно возмещать причиненный мной ущерб. Честное слово.

Продолжение в четвертом томе.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344808>